

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1883**

Выпуски 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1883: Выпуски 1-2 / – М.: Книга по Требованию, 2023. – 544 с.

ISBN 978-5-458-38260-1

«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартнев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартнев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартнева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартнев подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартнева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартнева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-38260-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РУССКОЙ ЯРМЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартевымъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883.

КНИГА ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1883.

Перепечатка статей и исторических бумаг изъ Русскаго Архива, какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго соглашенія съ издателемъ.

**ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ
НИКОЛАЕВИЧУ.**

(Въ бытность Его Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ).

Печатаются съ Высочайшаго соизволенія.

Начинаемъ третье десятилѣтіе нашего историческаго сборника именами покойнаго Государя и Его наставника, именами незабвенными для Русскихъ людей, дорогими Русскому сердцу и составляющими одно изъ лучшихъ достояній не только Русской жизни, но и всего человѣчества: въ исторіи не встрѣчается отношеній между ученикомъ и наставникомъ болѣе чистыхъ и возвышенныхъ, нежели какія были между Александромъ Николаевичемъ и В. А. Жуковскимъ. Случайныя письменныя свидѣтельства этихъ отношеній, нижеслѣдующія письма Жуковскаго, представляются намъ въ видѣ драгоцѣнныхъ останковъ нашего славнаго прошедшаго: къ нимъ относишься съ чувствомъ, похожимъ на то, какое испытывается при входѣ въ комнату, гдѣ лежитъ покойникъ.

Жуковскій приблизился къ Русскому Царскому дому, благодаря покойной императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, которая, въ выборѣ людей, руководилась завѣтомъ своей державной свекрови, начертавшей (на экземплярѣ Фенелонова «Телемака») слѣдующія золотыя слова: «Отыскивайте истинное достоинство, хотя бы оно было на краю свѣта; по большей части оно скромно и прячется. Оно не выдается изъ толпы, не жадничаетъ, не толкается впередъ; ему не почемъ, когда объ немъ забываютъ. Довѣряйтесь лишь такимъ людямъ, у которыхъ достанетъ духу, въ случаѣ надобности, противорѣчить вамъ и для которыхъ ваше доброе имя дороже вашей къ нимъ благосклонности» (Р. Архивъ 1863, 938).

Ратникъ Московскаго ополченія 1812 года, Жуковскій, послѣ войны, предпочиталъ оставаться въ деревенской глуши, или «Бѣлева мирнымъ жителемъ» и долго отказывался отъ предложенія Государыни быть при ней лекторомъ. Настойчивыя требованія Нелединскаго и Тургенева и желаніе быть поближе къ Дерпту (куда пере-

селлась родная ему семья) одержали побѣду надъ его скромностью и любовью къ независимости. Вскорѣ Государыня поручила ему преподавать Русскій языкъ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Государь Александръ Павловичъ зналъ про Жуковскаго отъ Карамзина. Позднѣе Жуковскій подружился съ наставницей своей ученицы, г-жею Вильдерметъ, которая также могла содѣйствовать его назначенію въ класные наставники къ шестилѣтнему Великому Князю Александру Николаевичу.

Онъ и опредѣлился, собственно говоря, только такъ называемымъ «инспекторомъ классовъ». Будь онъ человѣкъ заурядный, все дѣло ограничилось бы тѣмъ, что въ извѣстный часъ за нимъ пріѣзжала бы придворная карета, онъ сносился бы съ учителями, велъ журналъ ученія, просиживалъ бы за уроками и, отбывъ условленные часы, уѣзжалъ домой. Но Жуковскому, еслибы даже поручили умственное образованіе обыкновеннаго ребенка, то онъ отнесся бы къ этой обязанности съ любовью и усердіемъ. Тутъ же ему ввѣрялась надежда Россіи, и труды его были неутомимы и всесторонни. Два раза (1826 и 1832 года) онъ зарабатывался до полнаго истощенія силъ, и врачи усылали его лѣчиться за границую, гдѣ также его досуги посвящены были собиранію свѣдѣній и пособій по главному дѣлу его жизни. У Жуковскаго прекрасное слово не рознилось съ дѣломъ, и жизнь его была также чиста и безупречна, какъ его поэзія. Мягкій и добросердечный, онъ, въ случаѣ надобности, бывалъ твердъ и настойчивъ даже и передъ Николаемъ Павловичемъ, который отвѣчалъ ему за то сердечнымъ уваженіемъ. Отъ этого державный Ученикъ его получилъ образованіе, какое рѣдко встрѣчается въ Исторіи. Почтенныя имена многочисленныхъ Его учителей и наставниковъ сохраняются въ памяти потомства; но надъ всѣми ними возвышается свѣтлая, прекрасная личность чистаго сердцемъ, твердаго въ своемъ долгѣ, любезнаго всѣмъ, Русскаго поэта Жуковскаго.

Заключимъ четверостишіемъ Хомякова, обращеннымъ къ Жуковскому въ послѣдній его пріѣздъ въ Москву (1840):

За пѣсень вдохновенныхъ сладость,
 За вѣчно-свѣжій вашъ вѣнецъ,
 За вашу славу, нашу радость,
 Спасибо вамъ, родной пѣвецъ!

Россія никогда не позабудетъ великой словесной и воспитательной заслуги Жуковскаго.

I.

Безъ числа. Писано, вѣроятно, послѣ выдержаннаго экзамена, до 1832 года.

Поздравляю васъ отъ всего сердца, мой милый великій князь съ милостию Государя—и васъ, и Карла Карловича, и себя самого. Вамъ весело было получить награду, а намъ весело, что вы ее заслужили. Какъ мнѣ пріятно начинать съ вами по прежнему трудиться! Я теперь вижу, что труды наши не напрасны что впередъ еще пойдетъ лучше, нежели теперь. Обнимаю васъ и Карла Карловича.

Жуковский.

*

Воспитатель покойнаго Государя, Карлъ Карловичъ Мердеръ, ротный командиръ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ (въ то время когда эта школа находилась въ лачномъ завѣдываніи великаго князя Николая Павловича), род. въ 1788 году, учился въ Сухопутномъ Шляхетномъ Корпусѣ, отличился въ сраженіи подъ Аустерлицомъ. Онъ былъ сынъ Француженки Летелье и женатъ на Англичанкѣ Гоксфордъ. Еще при Александрѣ Павловичѣ, 8-го Іюля 1824 года, онъ опредѣленъ былъ воспитателемъ къ его царственному, тогда 6-ти лѣтнему, племяннику, единственной въ то время отрасли царскаго дома, которою обезпечивалось престолонаслѣдіе. Въ теченіи девяти лѣтъ Мердеръ образцово исполнялъ свою обязанность. Въ Мартѣ 1833 года онъ посланъ былъ дѣлаться за границу и 24 Марта 1834 года скончался въ Римѣ. Онъ былъ другомъ протоіерея Павскаго и Жуковскаго, который говоритъ, что главными свойствами Мердера были: „Отлично-здравый умъ, рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенные съ холодною твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души“. П. Б.

II.

Любекъ, 24 Іюля (6 Іюля) (1832). Пятница.

Вчера, въ 3 часа пополудни, пріѣхалъ я въ Травемюнде, мой милый великій князь. Наше путешествіе продолжалось всего на все 24 часа. Было всего по немногу, и холоду, и бури, и яснаго времени, и другихъ пріятностей морскаго путешествія. Не было только лѣтней теплоты, которой нѣтъ и теперь: въ Любекѣ такъ же холодно, какъ на берегахъ Финскаго залива. Гдѣ-то встрѣчу я настоящее лѣто! Оно будетъ мнѣ очень нужно въ Эмсѣ.

Первое лицо, которое узналъ я на берегу Траве, причаливша къ нему съ пароходомъ, была m-me Crighton: это меня порадовало, какъ доброе предзнаменованіе *). Наше же прощаніе съ вами, мой безцѣнный великій князь, на берегу родной Невы, оставило на душѣ моей сладкое чувство, которое долго, долго отзывалось въ ней какъ утѣшительная попутная музыка; эту музыку слышу и теперь. Пишу немного, только для того, чтобы засвидѣтельствовать передъ вами собственноручно, что я живъ, что жадное море не проглотило меня, хотя и страшно разѣвало свои челюсти подъ моимъ пароходомъ, и что наконецъ я чувствую себя нѣсколько лучше и смѣло отправляюсь въ дальнѣйшій путь отыскивать прочнаго здоровья, которое мнѣ столь нужно, знаете сами, для кого и для чего. Думалъ ли я недѣли за двѣ передъ симъ, что буду это къ вамъ писать изъ Любека? Такъ и быть! За то черезъ годъ еще живѣе буду чувствовать счастье быть съ вами и снова жить для васъ.

Посмотримъ что-то теперь скажетъ мнѣ холера. Съ моремъ я сладилъ; но холера бродитъ всюду: таетя инкогнито здѣсь въ Любекѣ, гдѣ крадетъ пока очень понемногу, явно гуляетъ по улицамъ Гамбурга и во всей Голштиніи; но въ Мекленбургѣ ея нѣтъ. Говорятъ, однако, что она возвратилась въ Берлинъ, въ Вѣну и силь-

*) Г-жа Крейтонъ, вѣроятно супруга известнаго врача. Намъ непонятно, почему встрѣча съ нею была добрымъ предзнаменованіемъ. П. Б.

нѣе свирѣпствуетъ въ Парижѣ. И такъ, если холера вездѣ, то ея нѣтъ нигдѣ, и весьма безразсудно ея бояться. Я и не боюсь, а смѣло ѣду впередъ, куда назначено; остальное хранящему Богу!

Черезъ недѣлю буду въ Эмсѣ. Изъ Русскихъ мужескаго пола были со мною Викулинъ и Тургеневъ ¹⁾ Первый ѣдетъ черезъ Гамбургъ въ Лондонъ. Тургеневу одна дорога со мною только до Ганновера, откуда онъ пускается въ Зальцбургъ, а я въ Эмсѣ. Въ Эмсѣ пробуду до конца Августа. Какъ устрою дальнѣйшую судьбу моего года, о томъ увѣдомлю васъ изъ Эмса.

Простите, мой милый великій князь; сохраните во всякой часть своей жизни свое прекрасное сердце, а въ немъ будетъ мѣсто и мнѣ. По условію пишите ко мнѣ: это дастъ великую силу Эмскимъ водамъ. Прошу васъ обнять за меня Карла Карловича и моихъ милыхъ друзей, Вьельгорскаго и Паткуля ²⁾. Вьельгорскаго особенно прошу писать ко мнѣ: я обѣщался отвѣчать ему. Приложенное писмецо отдайте его отцу. Прошу васъ также, скажите мой дружескій поклонъ всѣмъ нашимъ добрымъ сотрудникамъ, которыхъ прошу сохранить обо мнѣ воспоминаніе. Господину Жиллю ³⁾ особенно скажите, что его теща, г-жа Вудьмерингъ, съ которою я разстался въ Любекѣ, чувствуетъ себя нѣсколько лучше отъ путешествія. Онъ обѣщалъ ко мнѣ писать; надѣюсь, что онъ сдержитъ слово. Простите, простите, милая моя душа; сохрани васъ Богъ для всѣхъ насъ!

Вашъ Жуковский.

Приношу глубочайшее всеподданническое почтеніе Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Не имѣю словъ, чтобъ выразить чувство благодарности за ту милость, какою Государь и Государыня, можно сказать, благословили меня на дальнюю дорогу.

¹⁾ Сергій Алексѣевичъ Викулинъ, гвардейскій офицеръ большихъ дивизій, рано умершій вслѣдствіе умственнаго расстройствя. У насъ явится нѣсколько писемъ къ нему В. А. Жуковскаго, переданныхъ въ Р. Архивъ его братомъ Иваномъ Алексѣевичемъ. Во время извѣстнаго путешествія по Россіи, въ 1837 году, Александръ Николаевичъ провезъ нѣсколько часовъ въ Задонскомъ помѣстьи Викулинныхъ.

Тургеневъ—товарищъ по воспитанію и другъ Жуковскаго, извѣстный Александръ Ивановичъ. П. Б.

²⁾ Соучениковъ покойнаго Государя. П. Б.

³⁾ Флоріанъ Антоновичъ Жилль, преподаватель Французскаго языка и географіи. П. Б.

III.

25 Июля (6 Августа) 1832. Эмсъ.

Пользуюсь отъѣздомъ князя Волконскаго, чтобы написать къ вамъ нѣсколько строкъ, мой милый великій князь. Вы уже получили отъ меня письмо изъ Любека и знаете, что я не утонулъ и вышелъ безопасно на берегъ; теперь скажу вамъ, что я кончилъ ббольшую половину лѣченія въ Эмсѣ. Пью каждое утро по пяти стакановъ воды (это весьма немного: есть охотники, которые пьютъ по двѣнадцати) и каждый вечеръ купаюсь въ ваннѣ. Не могу сказать, чтобъ чувствовалъ себя рѣшительно лучше: этого *здѣсь* и ожидать не могу, ибо воды дѣйствуютъ только исподоволь, и настоящее дѣйствіе ихъ должно оказаться зимою; но вообще силы мои возвращаются: лицо мое уже не того желто-сафьяннаго цвѣта, которымъ я щеголялъ въ Петербургѣ; есть уже краска въ щекахъ. Только все не могу ходить, какъ бы желалъ; взойду на лѣстницу: біеніе сердца; а о прогулкахъ по горамъ и думать нечего. Но для этого у меня есть прекрасный осель, котораго я нанялъ на все время моего пребыванія въ Эмсѣ; зовутъ его Blondchen *). По этому нѣжному имени можете вы себѣ вообразить, что онъ красавецъ, и это правда: красивѣе его нѣтъ во всемъ Эмсѣ. И я, сидя на немъ, могъ бы легко возгордиться; но удары, которые достаются ему отъ толстой палки проводника и которые очень громко отзываются, напоминаютъ мнѣ часто, что Blondchen истинный осель. Я однако сохраню ему благодарность: по его милости былъ уже я на всѣхъ здѣшнихъ высокихъ горахъ, чтб будетъ вамъ описано подробно, такъ какъ и все путешествіе мое до Эмса, впрочемъ небогатое происшествіями. Примите теперешнее письмо мое за простое предисловіе. До сихъ поръ не собрался еще написать къ вамъ большаго, и этому причиною здѣшняя жизнь, которая дѣлаетъ человека какою-то подвижною машиною: не думаешь ни о какомъ другомъ дѣлѣ кромѣ заботы о своемъ тѣлѣ. Я же съ своей стороны рѣшился слѣдовать педантски докторскимъ предписаніямъ: не велятъ сидѣть дома, велятъ какъ можно болѣе ходить. По утру хожу, чтобы пить воды; потомъ, позавтракавъ, хожу, чтобы ходить; обѣдъ въ часъ; послѣ обѣда, чтобы не заснуть (чтб здѣсь весьма строго запрещено) таскаюсь, по ви-

*) Бѣлокурый.

зитама; потомъ на осла, и путешествіе по окрестностямъ, для котораго у меня есть здѣсь добрый товарищъ, Ренненкампофъ (извѣстный очень е. в. принцу Ольденбургскому и г. Липману); потомъ въ ванну, потомъ на постель. Такъ оканчивается день. Веселостей въ Эмсѣ нѣтъ никакихъ; въ Петербургѣ и до нихъ не охотникъ, но здѣсь безъ занятій были бы онѣ не лишнія. Вообще въ обществѣ здѣшнемъ (хотя оно и весьма многолюдно) нѣтъ никакого соединенія: всѣ живутъ порознь, по квартирамъ; ни у кого нѣтъ собраній; выдаются на прогулкѣ, въ саду, который не стоить этого имени, ибо въ немъ нѣтъ тѣни въ солнечное время и защиты въ ненастное. Я уже со многими успѣлъ дружески познакомиться и навсегда вѣроятно разстаться.

Эмская жизнь въ маломъ представляетъ настоящую жизнь: безпрестанная смѣна; и кто проживетъ здѣсь долго, тотъ подъ конецъ останется въ толпѣ какъ въ пустынь: всѣ, кого онъ успѣлъ узнать, исчезли, и чужія незнакомыя лица отовсюду его окружаютъ; наконецъ, и самъ онъ сходитъ со сцены. Хорошо еще, если дорога *прямо на родину*; но мнѣ еще долго должно будетъ, прежде нежели попаду на милую родину, постранствовать на чужбинѣ.

Здѣсь было довольно Русскихъ. Уѣхали: графъ Витгенштейнъ съ дѣтми и съ гробомъ дочери, которую онъ здѣсь потерялъ и которую мы здѣсь погребали съ горестнымъ участіемъ; Бехтѣвъ и графъ Мантейфель. Остались здѣсь и, кажется, всѣ разѣдутся *послѣ* меня: графъ Болеславъ Потоцкій съ своею любезною женою (мы живемъ стѣна обѣ стѣну), князь Андрей Голицынъ съ женою, генералъ Граббе, генералъ Полозовъ и нѣкоторые другіе. Князь Волконскій, который доставитъ вамъ это письмо, пріѣхалъ вчера и ѣдетъ нынче. Мое лѣченье кончится въ Эмсѣ дней черезъ десять; по окончаніи онаго напишу къ вамъ подробнѣе и доставлю свой адресъ. Гдѣ долженъ буду основаться на зиму, еще не знаю; вѣроятно въ Неаполѣ. Изъ Эмса поѣду въ Швальбахъ для употребленія крѣпительныхъ ваннъ; изъ Швальбаха въ Веве, на берега Женевского озера для винограднаго лѣчненія. Вотъ что покажеться знаю о своемъ будущемъ: о дальнѣйшемъ увѣдомлю васъ, какъ скоро оно опредѣлится.

Простите, мой милый великій князь. По газетамъ знаю, что вы здоровы, ибо въ нихъ описывается ваше вступленіе съ кадетами въ Петергофъ; знаю также, что и великія княжны возвратились. Надѣюсь однако получить письмо отъ васъ еще въ Эмсѣ. Прошу васъ обнять

Карла Карловича; надѣюсь, что онъ будетъ писать ко мнѣ. Мои письма для *всѣхъ васъ вообще*, ибо не нужно писать объ одномъ и томъ же нѣсколько писемъ; но отъ него письма будутъ для меня большимъ утѣшеніемъ: на чужѣмъ голосѣ съ родины имѣеть неизъяснимую прелесть. Обнимаю Вельгорскаго и Паткуля. Скажите первому, что я здѣсь познакомился съ его любезными двоюродными сестрами: одна графиня Гогенталь, урожденная Биронъ, а другая принцесса Антуанета Биронъ *); онъ отправился въ Вирибургъ нарочно для того, чтобы увидѣться и познакомиться съ графинею Вельгорскою.

Еще разъ обнимаю васъ отъ всего сердца. Сохрани васъ Богъ для вашего и нашего счастья.

Жуковский.

Сию минуту входитъ ко мнѣ мой Федоръ и приноситъ ваше письмо. Я прочиталъ его съ истинною радостію и снова тысячу разъ обнимаю васъ за все то что вы пишете ко мнѣ и что прямо принимаю въ сердце.

*) Мать молодого графа Вельгорскаго была родная внучка Курляндскаго герцога Бирона. П. Б.